

Бурдина Светлана Викторовна
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
swburdina@rambler.ru

Инь Цзецзе
преподаватель кафедры русского языка
Шаньдунский женский университет
natan.yin@mail.ru

ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В ТВОРЧЕСТВЕ В. РАСПУТИНА И РОМАНЕ ЦЗЯ ПИНВЫ «ЦИНСКИЕ АРИИ»

В статье рассматривается особенность воплощения феномена юродства в творчестве В. Распутина и китайского писателя Цзя Пинвы. С этой точки зрения анализируются образы Богодула и дяди Миши Хампо (повести В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Пожар») и Чжана Иньшэна (роман Цзя Пинвы «Цинские арии»). Показывается, что открытия В. Распутина специфическим образом преломились в творчестве Цзя Пинвы, создавшего в романе «Цинские арии» образ китайского юродивого в соответствии с традицией воплощения образа юродивого в русской культуре. Как и распутинские герои, Чжан Иньшэн изображается как хранитель памяти рода, он привязан к земле и верен традициям предков.

Ключевые слова: юродивый; память; В. Распутин; Цзя Пинва; повесть; роман.

Феномен юродства – это часть православной культуры, являющейся основой культурного кода русского народа. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» раскрывает значение термина «юродивый» следующим образом: «безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвиденье; церковь же признает юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении» [Даль 1994: 669].

В русской религиозной традиции акцентируется такая черта юродивого, как добровольное мученичество. Авторы монографии «“Смеховой мир” древней Руси» выделяют в сущности юродивого две части – пассивную и активную. Пассивная часть, «обращенная на себя, – это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщв-

ление плоти...» [Лихачев, Панченко 1976: 101]. Активная часть «заключается в обязанности «ругаться миру», т. е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия» [Там же].

В творчестве Распутина есть герои, в чем-то напоминающие юродивых. В повести «Деньги для Марии» писатель создал яркий жизненный образ деда Гордея, в котором светится правда народной души. Дед Гордей наделен определенными чертами юродивого. Он отказывается от дома, денег и живет в «курятнике». Еще более очевидными характеристиками юродивого Распутин наделяет Богодула и дядю Мишу Хампо – героев повестей «Прощание с Матерой» и «Пожар».

Имя Богодул – калька с греческого языка, буквальное значение имени – «богов раб», «божий раб», «божий человек», как в древней Руси часто звали юродивых Христа ради. «Мотив “грешного, христарядного вида” героя, заданный Распутиным в его экспозиции, подтверждает истинность трактовки его как традиционного типа русского юродивого» [Митрофанова 1991: 11].

Даже внешне распутинский герой напоминает юродивого: «Из дремучих зарослей на лице выглядывала лишь горбушка мясистого кочковатого носа да мерцали красные, налитые кровью глаза» [Распутин 2018: 34]. Возраст Богодула сложно определить; кажется, что он живет вечно, никто не может сосчитать, сколько ему лет. Люди только знают, что «он околачивался здесь всегда, что за грехи или еще за что достался он деревне в подарочек еще от тех, прежних людей, полным строем ушедших на покой» [Там же: 32]. «Идеальный костюм юродивого – нагота. Обнажаясь, он надевает “белые ризы нетленной жизни”. Голое тело больше всего терпит от зимнего холода и летнего зноя и наглядно свидетельствует о презрении к тленной плоти» [Панченко 1999: 393]. Созданный Распутиным образ подходит и под эту характеристику: Богодул всегда ходит босиком, а его затвердевшие ноги даже змея не может прокусить.

Об особенностях речи юродивых А.М. Панченко пишет: «Их высказывания либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [Панченко 1999: 401]. Богодул почти не говорит, объясняется только при необходимости и часто использует красноречивые, изменчивые, эмоциональные и точные слова. Одно слово «Кур-рва» «заменило ему добрую тысячу, без которых никакой другой человек не смог бы обойтись» [Распутин 2018: 34]. Заметим в этой связи, что «мат в речи юродивых становится сакральной лексикой, отпугивающей нечистую силу» [Ковтун, Степанова 2014: 10]. Несмотря на то что герой не умеет говорить складно и выглядит безобраз-

но, в ситуации выбора его позиция определена: он не собирается покидать остров ни при каких обстоятельствах. «Как пташка божия, только что матерная» [Распутин 2018: 20]. Он «любовно выпекает мат, подлаживая, подмасливая его, сдабривая его лаской ли, злостью» [Там же: 35]. Так Богодул как юродивый выполняет свою обязанность «ругаться миру».

Примечательным является и то, что у Богодула нет корней: «Мало кто помнил, когда Богодул впервые появился в Матере...» [Там же: 32]. Он презирает удобства жизни: «Богодуловское жильё было узким, как коридор, и до основания запущенным, грязным» [Там же: 253]. О прошлом Богодула известно лишь то, «что Богодула в свое время сослали в Сибирь за убийство» [Там же: 36].

Интересно обратить внимание и еще на одну особенность изображения Богодула как юродивого. По мнению С.Ю. Королевой, Распутин связывает Богодула с образом «кающегося грешника» в русском религиозном фольклоре [Королева 2009: 86]: «Чужой, да еще блажной, подыдала-подпивала, ни побалакать с ним, ни вызнать ничего – черт его поймет, что за человек, этот старуший приворотень. Она своему, родному на сто рядов, забудет чай поставить, а ему нет, для нее он, прохиндей, и верно как бог, сошедший наконец на страдальную землю и испытующий всех их своим грешным, христардным видом» [Распутин 2018: 36]. Как «кающийся грешник» изображается Богодул и в других местах романа. Автор так описывает Богодула в момент, когда он пришел сообщить Дарье о том, что кто-то разрушает кладбище:

«Вслед за ней, что-то бурча под нос, вошел лохматый босоногий старик, поддел курицу батожком и выкинул в сени. После этого распрямился, поднял на старух маленькие, заросшие со всех сторон глаза и возгласил:

– Кур-рва!

– Вот он, святая душа на костылях, – без всякого удивления сказала Дарья и поднялась за стаканом» [Там же: 21].

В творчестве В. Распутина есть еще один образ, которого автор также наделяет чертами юродивого. Это дядя Миша Хампо из повести «Пожар». Он «парализован был с детства и плетью таскал правую руку, которая едва годилась для нехитрого подтыка или прихвата, и говорил с таким трудом, что постороннему человеку понять его было невозможно» [Распутин 2018: 363]. Дядя Миша Хампо – воплощение традиционного русского духа, защиту государственной собственности он считает своей миссией. Первый закон жизни для него: «чужого не трожь. Все неудобства мира и неустройство его он, быть может, с одним только и связывал: трогают» [Там же: 364]. Когда дядя Миша Хампо обнаружи-

вает, что кто-то крадет коллективную собственность после пожара, он отчаянно выполняет «миссию» стража и принимает смерть от рук архаровцев. Дядя Миша, который любит родину и землю, резко контрастирует с теми, кто, потеряв всякую совесть, крадет вещи во время пожара. Благородство дяди Миши происходит от природы, от земли, от близости к корням.

Ряд интересных образов, близких, как представляется, традиции воплощения образа юродивого в русской культуре, находим и в современной китайской литературе. В первую очередь следует в этой связи обратиться к образу Чжан Иньшэна из романа «Цинские арии» Цзя Пинва. Произведения Распутина «Прощание с Матерой» и «Пожар» хорошо известны в Китае, поэтому можно предположить, что в создании этого образа Цзя Пинва как-то ориентировался на распутинских героев – Богодула и дядю Мишу. Вслед за Распутиным, Цзя Пинва создает образ юродивого – китайского юродивого.

Уже условия жизни Иньшэна, его внешность, темперамент заставляют посмотреть на этого героя как на юродивого. Иньшэн – сирота, живет в деревне Цзинфэнцзе, он ничего не имеет, фактически нищий. Нередко у него случаются приступы эпилепсии. Окружающие считают его сумасшедшим, высмеивают его, издеваются над ним. Его социальный статус крайне низок, он не смеет встречаться с Ся Тяньчжи, ненавидит и боится Ся Фэна, любой в деревне Цзинфэнцзе может дразнить его, даже Байэ осмелилась его унижить: «Деревня Цзинфэнцзе обидела меня, все люди меня презирают» [Цзя Пинва 2005: 44]. При этом сам Иньшэн считает себя исключительным и смотрит свысока на маленьких людей, таких как Гоушэн, Ву Линь, Чэнь Лян. «Юродивый посрамляет грехи мира, который в своей гордыне ума не видит всей его глупости. “Безнравственность” юродивого оказывается символом мирской порочности и осмеянием мирской “добродетели”» [Кокарева 2010: 85].

Хотя Иньшэна порой и можно принять за сумасшедшего, чаще всего он пребывает в здравом уме. Он глубже, чем те, кто его окружает, понимает людей и все происходящее в деревне Цзинфэнцзе. Он умеет говорить прямо и по сути.

В русской культуре юродивый, в отличие от остальных, видит и слышит что-то истинное, настоящее, то, о чем не знают другие. Иньшэн верит, что все, о чем он думает, произойдет. Он хочет, чтобы Ся Фэн был хромым, – и Ся Фэн ломает мениск; он надеется на то, что обувь Бай Сюе упадет с трактора, – и обувь падает; он молится, чтобы палки, которые были вставлены в землю, проросли, – и палочки прорастают. Иньшэн считает, что все в мире духовно, верит в реинкарнацию и может свободно общаться с животными и растениями. Он чувствует, что пион

улыбается ему, а дерево машет. Он может вызвать во двор облака. Он может дать команду вшам кусать людей. Убежденный в том, что вихрь вызван призраком Гоу Шэна, он требует, чтобы Чжан Шунь разорвал долговую расписку, чтобы призрак Гоу Шэна больше не пугал его.

Такая сила Иньшэна соответствует очень важной черте юродства – способности к пророчеству. Юродивый рассматривается обычными людьми как посвященный, наделенный тайными знаниями, информацией от Бога и таинственной силой. По мнению Ю.В. Кокарева, нравственный смысл юродивого проявляется «служением миру, совершаемым не делом и не словом, а силой Духа, которая у юродивого проявляется в даре пророчества» [Кокарева 2010: 84]. Китайский ученый Ван Чжигэн отмечает, что «юродивых, как правило, почитают за их таинственные способности – такие как предвидение будущего, искоренение бедствий, лечение болезней и т.д. – но это в первую очередь основано на благоговении обычных людей перед поведением юродивых» [Ван Чжигэн 2013: 36].

Важной частью культуры России является культура христианская. Именно поэтому традиция юродства как форма этики сыграла важную роль в становлении русского национального характера. Во времена потери человеком памяти и обесценивания корней Распутин создает образы Богодула и дяди Миши Хампо. Наделяя этих героев чертами юродивого, писатель стремится выразить свой нравственный идеал: человек должен любить землю и сохранять традиции. Открытия Распутина специфическим образом преломились в творчестве Цзя Пинвы, создавшего в романе «Цинские арии» образ китайского юродивого. Как и распутинские герои, Чжан Иньшэн изображается как хранитель памяти рода, он привязан к земле и верен традициям предков.

Библиографический список

Ван Чжигэн. Юродство: одна из культурных интерпретаций классики русской литературы. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2013. 430 с. (王志耕. 圣愚之维：俄罗斯文学经典的一种文化阐释. 北京：北京大学出版社. 2013. 430 p).

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Цитатель, 1998. Т.4. 1619 с.

Королева С.Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная литература. 2009. № 1. С. 79–89.

Ковтун Н.В., Степанова В.А. Проблема гендерной идентификации мужских образов в творчестве В. Распутина: дуализм психически-интеллектуальных доминант // Филологический класс. 2014. № 2. С. 7–14.

Кокарева Ю.В. Нравоучения Древней Руси как форма выражения нравственного идеала // Ученые записки Забайкальского государственного университета.

Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. № 4, С. 80–85

Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. М.: Наука, 1976. 213 с.

Митрофанова И.А. Мифо-фольклорная и древнерусская традиция в повестях В.Г. Распутина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 1991. 20 с.

Панченко А.М. Юродивые на Руси. Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.

Распутин В.Г. Прощание с Матерой. Пожар: [сборник]. М.: Изд-во АСТ, 2018. 384 с.

Цзя Пинва. Цинские арии. Пекин: Изд-во писателей, 2005. 566 с. [贾平凹. 秦腔. 北京: 作家出版社. 2005. 566 p].

S.V. Burdina

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

Yin Jiejie

Lecturer of Russian Language Department
Shandong Women University

IMAGE OF FOOLISH IN THE WORK BY V. RASPUTIN AND NOVEL "QIN OPERA" BY JIA PINGWA

The article considers a feature of the implementation of the phenomenon of foolish activity in the work of V. Rasputin and Chinese writer Jia Pingwa. From this point of view, the images of Bogodul and Uncle Misha Hampo (V. Rasputin's "Farewell to Matora" and "Fire") and Zhang Insheng (Jia Pingwa's novel "Qin Opera") are analyzed. It is shown that the discoveries of V. Rasputin were specifically refracted in the work of Jia Pingwa, who created in the novel "Qin Opera" the image of the Chinese foolish in accordance with the tradition of the embodiment of the image of the foolish in Russian culture. Like Rasputin heroes, Zhang Insheng is portrayed as the guardian of the memory of the genus, he is tied to the earth and faithful to the traditions of his ancestors.

Key words: foolish, memory, V.Rasputin, Jia Pingwa, story, novel.